

Глава 8

Первым к довольному собой Мао Сяофэю приковылял Сюй Цю. Ошалевший от усталости, парень пожаловался, что не смыкал глаз всю ночь и теперь засыпает на ходу — мол, повесь его сейчас хоть вниз головой на дерево, он всё равно отключится.

Мао Сяофэй рассудил, что толку от сонного А-Цю сейчас всё равно никакого, а потому великодушно махнул рукой, отпуская того на боковую.

Не успел Сюй Цю скрыться с глаз, как явился Сюй Ци. Его отказ прозвучал столь изящно и убедительно, что Мао Сяофэй даже не нашёлся что возразить.

— У меня, друг мой, непреодолимый страх перед перьями, — развёл руками Сюй Ци. — Душа не принимает всякую пернатую тварь. Какое там ловить — я и в пищу их принимаю, только если тушка ощипана до синевы, без единого перышка.

Услышав подобное откровение, Мао Сяофэй невольно задумался, как этот изнеженный чудаков вообще дожил до своих лет. Скорее всего, вырос в такой беспросветной нищете, где мясо видели раз в месяц. Ведь когда готовишь курицу, на голове всё равно остаётся хоть пара перышек. А уж обработать свиную голяшку или шкуру так, чтобы не осталось ни единого волоска — тут нужен настоящий кулинарный виртуоз, простому повару такое не под силу.

Сюй Ци, судя по всему, личного повара нанять не мог. Впрочем, в наши дни толкового кулинара днём с огнём не сыщешь. Поварихи ценились куда выше поваров-мужчин, но простые семьи обходились прислугой, стряпавшей на скорую руку. У знатных же господ еда служила не просто для утоления голода, а для услаждения чувств. На званых обедах в богатых поместьях пиршество затягивалось часами: повара лишь подносили заготовки, а искусные кулинарки творили свои шедевры прямо на глазах у гостей, превращая трапезу в высокое искусство.

Но сейчас им предстояло дело куда более прозаичное — ловить кур.

Две дикие птицы, очнувшись ото сна, лениво поднялись на лапы и принялись расхаживать по поляне, оглашая окрестности недовольным квохтаньем.

Мао Сяофэй покосился на туго набитый узел Сюй Цю, лежавший неподалёку, подошёл к сонной развалине и похлопал его по плечу.

— Слушай, друг, — вкрадчиво поинтересовался он, — мы вроде на охоту вышли, а у тебя с собой целый баул. Ну-ка колись, что за сокровища там прячешь?

Этот Сюй Цю мог проспать конец света, но в вопросах еды проявлял поразительную бдительность. Он мгновенно отпрянул, прячась за спину Сюй Ци, и, надувшись, забормотал:

— Ничего особенного... Так, кое-какие мелочи...

— Изъедобные мелочи? — прищурился Мао Сяофэй.

Сюй Ци к этому времени уже прикрыл глаза, всем своим видом показывая, что происходящее его совершенно не касается.

Мао Сяофэй ехидно ухмыльнулся:

— Ответь мне честно, А-Цю.

— Спрашивай что хочешь! — парень воинственно вскинул подбородок. — Только сразу говорю: в узелке еды нет! И не проси!

— Ладно-ладно. Скажи лучше, когда ты в последний раз мясо ел?

Этот простой вопрос попал точно в цель, ранив А-Цю в самое сердце. Лицо парня жалобно скривилось, и он уныло протянул:

— Да как Новый год отпраздновали, так и не пробовал. А уж как племянник родился, дома и вовсе шаром покати — ни кусочка, даже каша без единой капли масла.

— Во-от! — подхватил Мао Сяофэй, подливая масла в огонь. — О чём и речь! Человеку необходимо мясо. Без него откуда силе взяться? А на войне без силы никуда: либо тебя изрубят в капусту, либо ты сам будешь крошить врагов как репу. Логично?

А-Цю, бесхитростная душа, и не заметил, как угодил в расставленные сети. Стоило ему представить сочный, сочащийся жиром кусок курятины, как у него слюнки потекли.

— Так давай пустим твои сухие пампушки на приманку, изловим этих птиц, ошпим прямо здесь, натрём солью да зажарим на углях! Представь: золотистая хрустящая корочка, нежное мясо, укусил — и горячий сок по подбородку течёт... Ну? Разве это не выгодный обмен? — предложил Мао Сяофэй.

В душе оголодавшего А-Цю вспыхнула отчаянная решимость. Сухой паёк — штука ценная, но ароматная дичь куда заманчивее. Ради сочного мяса не жаль и последнего куса хлеба. Поколебавшись для приличия, он вздохнул и покорно протянул Мао Сяофэю заветные пампушки.

Сюй Ци лишь сокрушённо покачал головой. Увидев, что приободрившийся бедолага вознамерился топтать следом за расхитителем съестных припасов, он вовремя ухватил его за воротник.

— Сиди уж, охотник. От твоих шагов земля дрожит, а птицы эти пугливые, малейший шорох — и поминай как звали. Чем больше народу, тем меньше толку. Посиди смирно. Если он вернётся с пустыми руками, я сам с него три шкуры спущу.

— Старший брат Сюй, не каркай, ради всего святого, — умоляюще прошептал А-Цю, поспешно утирая набежавшую слюну. — Пусть лучше этот хромой уродец изловит побольше птицы, мы их сразу на вертел...

Оставшись под деревом, они наблюдали за суетой Мао Сяофэя. Парень, припадая на раненую ногу, неуклюже метался по зарослям. Дикие фазаны оказались на редкость наглыми: один умудрился взлететь и едва не уселся ловцу на макушку. Мао Сяофэй то падал в траву, то поднимался, уперев руки в бока, и что-то увлечённо нашептывал птицам.

Выглядело это настолько нелепо, что А-Цю всерьёз заподозрил своего нового товарища в знании птичьего языка.

Раскroшив пампушки, Мао Сяофэй щедро насыпал крошек перед испуганными фазанами. Птицы, сперва переполошившись и истошно кудахтая, вскоре утихомирились и принялись склёвывать угощение. Он уселся рядом и продолжил тихо приговаривать, словно заговаривая их.

Сюй Ци наблюдал за этой сценой со стороны, прислонившись к стволу раскидистого дерева. С такого расстояния суета казалась забавным представлением, и мужчина едва заметно улыбнулся. Похоже, это поручение обещало стать весьма занимательным.

Дней пять или шесть назад Сюй Ци довелось побывать в императорском дворце.

Вообще, пристрастий у него было немного: добрая чарка крепкого вина, беседа с верным другом по душам да крепкий, безмятежный сон после знатной попойки.

— Я звал тебя не раз и не два, а ты всё нос воротил. Что же заставило тебя сегодня почтить меня своим присутствием? — с лёгким упрёком произнёс хозяин кабинета.

Мало кто мог предположить, что этот бродячий рыцарь, привыкший ночевать в сомнительных притонах вроде столичного Павильона Весенней Груши за два лана серебра в сутки, бывал гостем в куда более изысканных покоях.

Сюй Ци слыл завсегдатаем весёлых кварталов, вольным ветром метался по стране, не обременяя себя ни домом, ни заботами. Но за маской простого бродяги скрывался человек, входящий в личные покои самого государя Верхней Ци.

Правящая династия Верхней Ци носила древний двойной фамильный знак — Гунси. В народе поговаривали, что империя досталась им не мечом и кровью. Те, кто завоевал эти земли, и те,

кто в итоге сел на трон, принадлежали к разным родам. Секрет крылся в поразительном дружелюбии и дипломатической гибкости клана Гунси, умевшего ладить с кем угодно.

Нынешний правитель, Гунси Сюань, унаследовал семейную черту. Среди его доверенных лиц из простонародья Сюй Ци прочно занимал место в первой тройке. Причина была проста — государь ценил редкие таланты. Меч Сюй Ци разил без промаха, словно стремительный дракон, а его каллиграфия в стиле безумной скорописи приводила императора в истинный восторг. В детстве они учились у одного наставника, хотя из-за высокого происхождения Гунси Сюань официально не мог числиться учеником школы и называть Сюй Ци старшим братом. Когда же юноша вернулся в Шаннань, чтобы взойти на престол, их переписка не прервалась.

В тот день Сюй Ци без тени смущения развалился на императорском ложе, небрежно покачивая зажатый в пальцах кувшином с вином. Он чувствовал себя здесь столь же вольготно, как на соломенной циновке в придорожном трактире.

— Помогал одному старому знакомому отыскать след родни, — лениво отозвался Сюй Ци, сделав глоток и блаженно прикрыв глаза. — Путь лежал через Шаннань. Подумал, негоже проезжать мимо дворца, не навестив старого приятеля. Всё-таки ты у нас теперь великий владыка, обидишься ещё.

— Оказывается, чтобы заманить тебя в столицу, мне нужно благодарить какого-то безвестного странника, — усмехнулся Гунси Сюань. — Кто же этот загадочный человек, ради которого ты готов истоптать сапоги? Интересно, если мне когда-нибудь понадобится твоя помощь, могу ли я рассчитывать на такую же преданность?

Сюй Ци весело расхохотался, будто услышал отменную шутку.

— Полно тебе, государь. Ты повелеваешь Поднебесной, какие у тебя могут быть дела к бедному бродяге? — Он поморщился, словно от головной боли, сорвал заколку, позволяя длинным волосам рассыпаться по плечам, и бесцеремонно уткнулся лицом в расшитую золотом подушку императора.

— Всё тот же несносный нрав, — покачал головой правитель. — Опять захмелел?

Гунси Сюань слишком хорошо знал дурные привычки своего друга: хмельной Сюй Ци вполне мог заставить венценосную особу стаскивать с него грязные сапоги.

— Трезв как стёклышко, — отозвался тот.

И действительно, взгляд его оставался ясным и проницательным. Приоткрыв один глаз, он снисходительно посмотрел на своего царственного названного брата:

— Выкладывай, чего надобно?

Гунси Сюань смущённо потёр кончик носа:

— Да пустяк, в общем-то... Не хотел тебя обременять.

— За два года разлуки ты набрался придворных замашек, — недовольно проворчал Сюй Ци. — Стал темнить да недоговаривать.

В его глазах промелькнуло сложное чувство — он вспомнил одного человека из прошлого.

— Ладно, раз уж ты настаиваешь, — сдался император.

При дворе ему приходилось непрестанно держать осанку, олицетворяя величие власти, но здесь, в пустой спальне, он позволил себе расслабиться. Опустившись на край ложа, Гунси Сюань бесцеремонно притянул Сюй Ци к себе, устраивая его голову у себя на коленях, и бережно поправил его спутавшиеся пряди.

— Присмотри за одним человеком, Старший брат Сюй. Убереги его от беды.

— Неужто зазнобу завёл? — сощурился Сюй Ци.

— Глупости, — смутился государь. Он помолчал, подбирая слова, прежде чем продолжить: — Вряд ли он меня помнит. Но императорский дом остался перед ним в неоплатном долгу. Да и на мне лежит часть вины.

— Вечно ты разводишь канитель, — фыркнул Сюй Ци. — Рассказывай давай. Послушаю, а там решу, стоит ли игра свеч.

Император широко улыбнулся. Он улыбался крайне редко, и Сюй Ци на мгновение заворожённо замер. Если бы за годы совместной учёбы он до тошноты не насмотрелся на эту до неприличия красивую физиономию, сдержатъ порывы было бы непросто. Для мужчины его наклонностей молодой правитель представлял собой искушение, против которого устоять почти невозможно — лакомый кусок, да и только.

Сюй Ци не стал давать поспешных обещаний. Кто такой этот Мао Сяофэй? Безвестный проходимец, не заслуживающий места в кругу его общения.

Сидя под деревом и лениво наблюдая за суетой, Сюй Ци перевёл взгляд на мирно сопящего толстяка.

Этот увалень тоже никак не подходил под описание благородного мужа.

Оставалось лишь сетовать на собственное легкомыслие. Знай он заранее, что этот Мао Сяофэй окажется всего лишь мастером по ловле домашней птицы, ни за что не ввязался бы в авантюру. Особенно теперь, когда Мао Сяофэй бесцеремонно приспособил его фамильный клинок в качестве вертела.

— Эх, вина бы сейчас, — вздохнул Мао Сяофэй, щедро посыпая шкворчащую тушку крупной солью. — Без доброй чарки вся эта затея теряет половину прелести. Жаль, кругом глухомань, ни одной лавки поблизости.

— Тоже любишь приложиться к кувшину? — приоткрыл один глаз Сюй Ци.

— Балуюсь понемногу, — кивнул Мао Сяофэй. — К дичи хмельное просто необходимо. Эх, глушь непролазная, а то бы мигом сбегал за кувшинчиком.

— Готово уже? — нетерпеливо спросил Сюй Ци, принюхиваясь к соблазнительному аромату.

— Ещё чуток, — отозвался Мао Сяофэй.

Сняв мясо с огня, он завернул его в широкие листья дикого таро и одолжил у Сюй Ци кинжал. С ловкостью заправского мясника он отделил кости, нарезал сочную мякоть тонкими ломтиками и выложил перед товарищами:

— Прошу к столу!

Сюй Цю дважды приглашать не пришлось. Он мертвой хваткой вцепился в поджаристую ножку. То ли сказывался долгий пост, то ли Мао Сяофэй действительно превзошёл себя, но мясо получилось изумительным — сочным, мягким, с умопомрачительным ароматом дымка. Парень едва не проглотил язык от восторга.

— У кого перенял мастерство? — поинтересовался Сюй Ци, деликатно отправляя в рот кусочек мяса.

Мао Сяофэй, из-за щербатого рта жующий шумно и неряшливо, оскалился:

— У одного старого нищего. Тот знал сотни рецептов. Любил, старый хрыч, травить душу рассказами посреди ночи, когда у меня в животе от голода выли волки. Слюной захлёбывался! Позже я перепробовал почти все те яства в трактирах, да только вкус оказался пресным, совсем не таким, как я воображал. Вот и решил стряпать сам.

— И как? Твоя стряпня превзошла дедовские сказки? — спросил Сюй Ци.

— Вполне, — самодовольно прищурился Мао Сяофэй. — Жаль только, великие мастера всегда

одинок. Я ведь пытался угостить кое-кого, да тот упрямец и кусочка не попробовал. Так что вы двое — мои первые ценители. Ну как, недурно? Сегодня, конечно, всё на коленке сделано, да и приправ не сыскать. Вот выберемся отсюда, я вам закачу настоящий пир, пальчики оближете!

Сюй Цю, с набитым ртом, лишь согласно замычал, усердно кивая головой.

Сюй Ци задумчиво повертел в руках обглоданную косточку.

— Стряпня — не твоё призвание, — обронил он после недолгого молчания.

Мао Сяофэй напрягся. Ему показалось, что собеседник намекает на нечто большее. Хотя жители Верхней Ци и Цинси говорили на одном наречии, в выговоре Сюй Ци отчётливо сквозили шаннаньские нотки. А в Шаннане не было человека, который бы не слышал о позорном прошлом Мао Сяофэя. Именно поэтому, несмотря на вынужденное соседство, раскрывать душу перед попутчиком он не собирался.

У кого из нас нет скелетов в шкафу?

И всё же забота Сюй Ци тронула Мао Сяофэя. Пусть с волками расправился не он, сам факт того, что парень пошёл искать его в чащу, дорого стоил. Он оторвал вторую фазанью ножку и протянул спасителю:

— Пузо у человека на первом месте, чем плоха кухня? — возразил он. — Ремесло всегда прокормит. И не вздумай недооценивать поваров! Захотят — и великий мастер меча, обнимая драгоценный клинок, будет бегать до ветру каждые пять минут.

Сюй Ци представил, как грозные воины посреди смертельной схватки просят передышку, чтобы уединиться в кустах, и невольно хмыкнул.

— Ну и каша у тебя в голове, — качнул он головой.

— Я просто думаю, как обустроить безбедную жизнь, — Мао Сяофэй утёр засаленный рот рукавом и заговорщически придвинулся к собеседнику. — У меня тут созрел отличный план на будущее. Только в одиночку мне не справиться, нужны надёжные сообщники.

Прежде чем Сюй Ци успел хоть что-то ответить, в разговор влез разомлевший от сытости А-Цю:

— Сяо Фэй, отдай мне вон то крылышко, и я ради тебя на всё пойду! Хочешь, я этому сукиному сыну, помощнику генерала Лю, слабительного в кашу подсыплю? Будет дристать дальше, чем видит!

Мао Сяофэй так и приснул со смеху. Он швырнул приятелю вожделенный кусок и поудобнее вытянул раненую ногу:

— Ладно тебе, утихомирься. Время для расплаты ещё не пришло. К тому же я цел и невредим.
— Заметив взгляд Сюй Цю, направленный на перевязанную голень, он шутливо повёл бровями:
— Это ведь не Лю меня покусал, верно?

— И всё же, что ты задумал? — повторил вопрос Сюй Ци.

Мао Сяофэй расплылся в довольной ухмылке:

— А я думал, тебе до лампочки.

— Послушать могу. Обещать ничего не стану, — уклонился от прямого ответа Сюй Ци.

Мао Сяофэй швырнул обглоданную кость в костёр и веско произнёс:

— Разводить кур.

<http://bllate.org/book/18429/1779918>